

Источник: Красносулинский вестник (Красный Сулин)

Дата выпуска: 14.02.1998

Номер выпуска: 17

Заглавие: Так погибли наши подпольщики

Автор: Л. Фетисов

Пятьдесят пять лет прошло со дня освобождения нашего города от немецко-фашистских захватчиков. За этот период было много писано и сказано. Я хочу в этой публикации осветить факты, которые мало кому известны.

Жили мы на улице Ворошилова, дом 2. С фасада, где сейчас автобусная остановка, был пустырь, заросший кустами сирени и деревянный забор, где находился тюремный двор. После страшной и разрушительной бомбежки жить нам было негде. Утром еще догорали цистерны с горючим, как раз напротив нашего дома. Все разрушено. Собрав необходимые вещи, попросили временно приютить нас семью Рагожкиных, живущих на Вербенке в Коровичах. Те выделили нам закуток, приняли хорошо. Но в чем-то мы мешали им. Оказалось, что у Рагожкиных организуется то ли штаб, то ли явочная квартира подпольной организации. Усадьба у них была, большая, хороший яблоневый сад. Эту усадьбу власти выделили Рагожкину Тихону Антоновичу как заслуженному красному партизану.

Когда нам разрешили у них пожить, то там уже было завезено много Продуктов: муки, сахара, консервов, спирта, водки и т. д. Удивительно, что это не очень скрывалось. По ночам собирались подпольщики, решали свои проблемы. Постепенно эти продукты куда-то увозили. Как мне рассказывала моя мать, в одну из ночей привезли оружие, нужно было оборудовать тайник. Она случайно оказалась участницей. Заржали лошади, вышла во двор - там стоит повозка, крытая брезентом. После небольшой дискуссии определили место для тайника. Из оружия были: пулемет, ящик с винтовками, ящик с патронами, гранаты, взрывчатка, типографская печатная машинка, бумага и еще что-то. Однажды Тихон Антонович сказал матери, что вся их семья «а некоторое время покинет дом, а ей придется остаться за хозяйку. Но этого не осуществилось, все остались на месте. Дня за два до прихода немцев юрод остался без власти.

Началась великая растащивка. Стало ясно: кто есть кто.

Откуда-то объявились мордовороты, тащившие на горбу чуть ли не по два мешка сразу. А вот известная в те времена библиотекарь Евгения Вдовенко, для нас, пацанов, она была тетя Женя, стояла у кучи разбросанных книг и плакала. После оккупации, собирая по книжечке, она сумела возродить библиотеку.

В Раково завязался небольшой бой. Вскоре в город вошли немцы. Дня через два на столбах были наклеены приказы коменданта города. Вот их основные положения: зарегистрироваться в управе всем евреям и коммунистам, сдать огнестрельное оружие т. д. За невыполнение – расстрел.

Первым бургомистром города был Дронов. Кто он такой - не знаю. Управа находилась в здании яслей имени 8 Марта. Оно впоследствии сгорело.

Мне до сих пор не понятно, почему известные в городе люди, коммунисты, пошли на регистрацию. Нужно было уходить, и вот их заставили разбирать баррикады на перекрестках ул. Ярославской (ныне Металлургов), Ленина. Советской под охраной бывшего ассенизатора

Мне в ту пору было 14 лет, и как-то было обидно и стыдно за этих людей.

Начались аресты. Наша семья уже перебралась в свою квартиру, кое-как отремонтировав ее. Когда мы уходили, дед Тихон Рагожкин сказал моей матери: «Сидоровна, ты не бойся, я никого не выдам. Когда меня будут увозить на расстрел, то я в рукав моей жакетки завяжу кружку крепким узлом. Это значит, что я никого не выдал». Когда вещи дяди Тихона забирала его жена, то полицейский еле развязал этот узел.

Аресты продолжались, и начались пытки. Как только наступал вечер, заводили патефон и начинали пытать. Патефон не заглушал крики, было слышно даже в нашем доме. Потом нашли кого-то с мандолиной. Он кроме «Ой, вы, сени, мои сени» ничего больше не

играл. Все равно были слышны крики. Жутко кричали женщины. Были арестованы Калашникова, Почтовенко, Чалая. Это те, которых я знал. А вот кто-то из мужчин во время пыток страшно матерился. Палачи ржали, как лошади. Наш дом двухэтажный, с двумя чердачными окнами, из которых был виден тюремный двор. Где-то после обеда, к вечеру, заключенных выводили на прогулку. Я все это видел с чердака. На женщин жутко было смотреть. Мужчины пока еще держались. Клим Попов, капитан футбольной команды, шел по кругу первым. За ним уже потрепанная и избитая команда - Батыщев, Андреев, Григоренко и остальные. Некоторые родственники, с большой осторожностью приходили взглянуть на них в последний раз.

В городе появилась жандармерия. Размещалась она в здании сберкассы, что сгорела. Заменяли бургомистра. Вместо Дронова им стал Лось, ранее работавший директором школы ФЗО. Управу перевели в здание, где сейчас находится магазин «Ветеран», только с противоположного торца.

Однажды утром внезапно открылась стрельба, несколько пуль попало в наши окна. Из тюрьмы совершил побег Батыщев. Вся полиция была поднята на ноги. Обшарили ближайшие дома, «пятисотку», за ней были два или три частных дома, там сейчас гаражи, в одном из дворов его и взяли. Как говорили потом, у Батыщева было время, чтобы бежать дальше, но у него было что-то с ногой. И вот теперь самое страшное. Двое полицейских волокли его под руки, а третий, сзади, бил прикладом по спине, по голове, матерясь и проклиная большевиков. Недалеко от торца дома находился канализационный колодец с открытым люком, и вот это бешеный, кровожадный зверь наполовину загнал его в колодец и уже над мертвым продолжал измываться. Наша семья - свидетель этого зверского убийства. Все это было на наших глазах. У матери началась истерика, сестра упала в обморок. у меня стучали зубы, трясло все тело. Машинально я перешел к окну, что выходило на тюремные ворота. Там стояла свита: начальник полиции Конорев с черной овчаркой, его заместитель Туляков, брат бывшего депутата четвертой Государственной Думы, которую разогнал матрос Железняк со своим караулом, жандарм с блестящей символикой на груди. гестаповец в черном мундире.

Приволокли уже мертвого Батыщева к их ногам. Что бы показать себя перед начальством, этот зверь продолжал его бить. Дальше я не выдержал, пошел в сарай, лег и начал выть, слез не было, но выл и дрожал. Пришла бабушка, умыла меня освященной водой, дала попить, пошептала молитву от испуга, и я успокоился. Я долго не решался вспоминать об этом кошмаре. Но прошло уже более полувека, мое поколение постепенно уходит в мир иной, а еще много неразгаданного для наших потомков.

Когда вспоминают имена погибших подпольщиков, то говорят: и с ними два офицера. А это наши горожане. Один - Дмитрий Датченко, с Голонка. Мать его говорила, что убежал домой на минутку. Второго не знаю. Были слухи, что тоже с Голонка - или Чихиров, или Кайдеридис. Родственники должны знать. Возле скелеватского моста их схватили. Кто-то из подпольщиков, не выдержав пыток, указал на тайник с оружием у Рагожкиных. Его дочь Полина Тихоновна Воропаева осталась жива, говорила, что должен быть еще тайник для разведгруппы Батыщева в так называемом Тишанском лесу. Это косогор, заросший кустарником и Деревьями, внизу протекает Гнилуша, расположенный на краю Скелеватки, за Жабовкой. Возможно, он так и остался не раскрыт.

Напрашивается вопрос: почему подпольщики, ничего не сделав, погибли такой мучительной смертью? Не было опыта подпольной работы? Предательство? Ведь были созданы условия: оружие; продукты, печатная машинка. Ждали сигнала, а, сигнальщик, как говорил Тихон Рагожкин, где-то за Волгой, нужно действовать самим, но уже было поздно.

Родственников погибших прошу простить меня, если своими воспоминаниями я принес вам боль. Но об этом забывать нельзя. Дай Бог, чтобы такое больше никогда не повторилось.

Л. ФЕТИСОВ, пенсионер.